

Виктор Гирский

*Майдан
на неостарелости*

Повесть

Авторский перевод с украинского языка

А. Ленского

18+

Виктор Гирский

Майдан по неосторожности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62690946

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03619-2

Аннотация

Когда-то в далёкой юности Андрей Фёдорович Зуев выбрал для себя простую и понятную мужскую профессию – Родину защищать. Прошли годы... Время до неузнаваемости изменило как города и страны, так и судьбы людей. Но способно ли оно изменить сердце ещё одного немолодого и немодного представителя поколения рождённых в СССР, просто привыкшего в силу возраста оставаться человеком там, где оставаться им очень сложно? Украина 2014 года. При выходе на пенсию весь нехитрый скарб полковника Зуева состоял из полученных за время службы ранений да увесистой связки наградных орденов и медалей. Чем встретит его Родина на гражданке? Станет ли его дом той долгожданной тихой и безопасной пристанью, местом, куда так хочется вернуться? Кто знает...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Когда волна убегающих схлынула, от группы преследователей отделился мужчина, по выправке напоминающий офицера, и, адресуясь к Зуеву, вежливо спросил:

– Вы лежите по идейным соображениям или просто так, чтобы посмотреть, что из этого получится?

– По неосторожности, сэръ! Скользко, знаете ли, и слишком суетно. Всё это было настолько сногшибательно, что прилечь в сторонке для меня, как военного пенсионера, было лучшим решением.

Глава 1

– Пристегните ремни безопасности, – послышался голос стюардессы.

Самолет заходил на посадку. Через иллюминатор просматривалось хмурое небо, земля, покрытая жёлтыми полями спелой кукурузы, скошенной пшеницы, свекольных плантаций и лесонасаждений. Пейзаж позднего лета за бортом ретушировал густой туман. Пробивающиеся сквозь эту пелену солнечные лучи неожиданно вырисовали очертания Международного аэропорта Борисполь. Всё было, как всегда.

Зуеву часто приходилось бывать в этих краях – за годы его службы судьба неоднократно забрасывала его за рубеж. При посадке самолет привычно начал вибрировать. Завизжали тормоза. Мысли привычно опередили события:

– Лучший самолет тот, который приземляется без аварий! Хотелось бы, чтобы лайнер был в руках у опытного профессионала.

Посадка прошла превосходно. Миновав командира, пассажиры устремились на выход. Зуев покидал самолёт последним, слегка опираясь на палочку при ходьбе.

– Вам помочь? – спросила симпатичная стюардесса, (хотя в существование несимпатичных стюардесс Зуев не верил, так как ни разу таких не видел).

– Спасибо, красавица, но я на самом деле моложе и спортивней, чем выгляжу, – он взглянул ей в глаза.

Бортпроводница, мило зарумянившись, улыбнулась. Настроение немного улучшилось. Шёл мелкий дождь. Всё вокруг заблестело, заиграло ароматами свежести. Дышать стало легко. Зуев начал напевать давно забытую мелодию «Два кольори».

*Як я малим збирався навесні
Піти у світ незнаними шляхами,
Сорочку мати вишила мені,
Червоними і чорними нитками.*

Странный каприз памяти, когда при встрече с городом юности вспоминаешь песню Дмитрия Павличко.

Рядом с терминалом аэропорта стоял комфортабельный автобус. Зуев поприветствовал водителя и неторопливо занял свое место в салоне. Здесь тоже всё протекало штатно:

кто-то из пассажиров пытался спорить с водителем по сумме оплаты, другие тихо переговаривались между собой. Автобус начал набирать скорость. Зуев прикрыл глаза. Как эхо, продолжала звучать мелодия Александра Билаша.

*Два кольори, мої два кольори,
Оба на полотні, в душі моїй оба.
Два кольори, мої два кольори,
Червоний – то любов, а чорний – то журба.*

Мысли умчали его в прошлое.

Встреча двух влюбленных сердец: Андрея, курсанта военного училища, и Наташи, студентки университета. Каштаны Киева, красивые ухаживания, стихи, посвященные любимой, и предложение руки и сердца. Время испепелило чувства и, как результат, многолетний брак распался. Склеивать то, что годами раскалывалось, превращаясь в сплошные намеки, недомолвки, не имело смысла. Наконец супруги поговорили по-взрослому и он выполнил все её пожелания. А именно: зашёл в ЗАГС, написал заявление о разводе и через месяц получил документ, удостоверяющий, что он холостяк. Всему виной – его проблемная жизнь военнотружашего. В молодые годы часто менял места службы. Таким образом, хронически отсутствовал пресловутый домашний очаг с постоянной дислокацией.

О комфортных условиях жилья речь не шла в принципе. Не предоставлялась работа жене, имеющей специальность

филолога. Было дело – затеплилась надежда на приемлемое обустройство, но тут начались командировки, включавшие его участие в миротворческих операциях за границей. Жена вернулась к родителям. Потом родились дети. Супруга приняла кардинальное решение о разводе. В её оправдание надо сказать, что она не всегда была приземлённым человеком. Возможно, рождение детей и каждодневная забота о них превратили её из романтической, весёлой, жизнерадостной девушки в серьёзную женщину со своими взглядами, устемлениями и надеждами. Он мог бы взять её по месту службы в Африку или в другую страну, как это делали некоторые офицеры. Определить на месте вольнонаемным специалистом – была такая практика офицерских семей. Но он не хотел подвергать её, как и детей, возможным страданиям. В борьбе за идею справедливости разрушались не только государственные устои, но и жизни людей. Молодой офицер Зуев до конца не объяснил своей жене программу своей жизни. А возможно, по возрасту, он просто не знал ещё коварства времени. А может быть ему было так вольготней, и он просто сохранял для себя определённую степень гусарской свободы? Но, в любом случае – Родины, которой он давал клятву служить верно, не щадя жизни своей, больше нет! В одночасье огромная страна распалась и превратилась в отдельные государства! Пришло время бескомпромиссно выбирать своё Отечество. Многие офицеры добровольно ушли в гражданскую жизнь на вольные хлеба, другие, демобилизо-

вавшись, разбрелись по своим республикам-государствам. С новой Родиной очертилась новая граница, государственная территория, появилась новая власть. Нужно было заново налаживать связи между людьми в сложных обстоятельствах. Возможно, в его душе произошёл надлом?..

В Украине родились его предки. Жила его семья. Здесь был его дом.

Следуя правилу, что «отсутствие выбора очень упрощает выбор», он принял присягу служить независимой Украине. На его судьбу значительно повлияли перенесённые ранения.

Первые осколочные отметины на теле он получил в Африке – тогда он служил в рядах Советской Армии. Остальные – два года назад в Европе.

Сейчас Зуева тяготило чувство вины перед бывшей женой и перед детьми за то, что так отдалился от них. Но время необратимо – и с этим фактом приходилось мириться. Он нашёптывал слова песни, которая отражала его состояние.

*Мені війнула в очі сивина,
Та я нічого не везу додому.
Лиш згорточок старого полотна
І вишите моє життя,
І вишите моє життя на ньому.*

Автобус всё набирал скорость. Появились очертания Киева, блестящие от водных струй в окне. В этом городе Зуев проходил учебу в военном училище – выбор профессии

для деревенского парня на то время был ограничен. Трагедия унесла родителей. Зуев жил в семье родственников и ему вскоре нужно было уходить на свои хлеба. От воспоминаний появилось приятное волнение. За время службы юный паренек превратился в седеющего мужчину со шрамами на душе, совершенно не приспособленного к гражданской жизни. Инвалидность потребовала нового осознания нынешнего положения. Он напоминал себе человека, попавшего на необитаемый остров. Всё было в новинку. Необходимо было искать своё место в гражданских буднях, и главное, – восстанавливать здоровье.

«...Червоний – то любовь, а чорний – то журба». – Мелодия не оставляла Зуева. Она обволакивала, напоминая о его не совсем правильной лёгкости, с которой он согласился на расторжение брака, хоть и не он был инициатором. Зуев отогнал воспоминания, зная, что возврата в прошлое не будет.

* * *

Столица Украины встретила Зуева светлыми бликами. За прошедший период изменилась архитектура города, появились новые микрорайоны. Он вышел на остановке Крещатик и направился в сторону Бессарабского рынка – это была его неизменная традиция при каждом посещении города. Проспект и прилегающие улицы были заполнены людьми. Это его удивило. Людей в таком количестве он видел только в

праздничные дни.

Эхом слышались призывы к переменам. Зуев часто наблюдал за протестными акциями в Европе. Трудящиеся требовали у капиталистов-руководителей повышения платы за труд и социальных гарантий. Все хотели жить «по-человечески». Происходящее же в Киеве сейчас носило осязаемо иной характер. Здесь массы негодовали...

Сейчас Зуев направлялся в госпиталь для ветеранов войны на прохождение лечения. Из рассказов коллег он знал, что в выходные дни по Крещатику был запрещен проезд общественного транспорта. Невольно влившись в толпу, он медленно передвигался вместе с негодующими. Из громкоговорителей несся некий залихватский шум, вызывающий всплески возмущения в толпе. Люди собирались в группы и азартно пытались доказывать друг другу некие абсолютные истины. Выделялись ораторы, горячо и хлопотливо взывающие уже к коллективному разуму:

– Мы, жители громадного европейского города, брошены на произвол судьбы, – вещал в мегафон, довольно потрепанный на вид мужчина. – Везде несправедливость и поборы!

Боевой клич «Слава Украине!» отовсюду сопровождал Зуева. Киевляне роптали! Они возмущались действиями господствующего класса. Идея благополучия и справедливости проникла в их души и вытолкнула на улицу. Страх покинул людей. Другой оратор держал в руках флаг Украины, стоя на ящике вместо трибуны, и кричал в массы:

– Без жесточайшего контроля власти за уплатой налогов, банковской системы, всеобщей борьбы с коррупцией, жизнь не улучшится! Нашу мечту о вхождении в Европу растоптали!

– Виноваты ленинцы! – стучался в мозг сограждан следующий рупор. – Они, перекрасившиеся в демократов-управленцев, забрали не только нашу мечту, но и народную собственность.

Люди шли по проспекту. Киевское утро было переполнено нервозностью. То, что всё это происходит в его родной стране, было для Зуева непривычно.

Послышались звонкие призывы молодых киевлян идти к парламенту. Революционная атмосфера накалялась. Везде обсуждали известие, что повален памятник В. И. Ленину. Рядом шла студентка София. Она, как профессиональный гид, рассказывала, как именно группа молодых людей в масках накидывала на памятник канаты и валила его.

– Памятник был установлен в послевоенные годы, – говорила София. – И вот он уже лежит на земле с отколотой головой. А потом его разрушили молотами.

Слышались крики «Прочь палача украинского народа!».

Как бывший военный, Зуев всегда стоял на страже законности. Какой-то части общества любой страны всегда будет казаться, что, вступив на путь вандализма, разрушив памятники архитектуры, религиозные строения, они изменят свою жизнь к лучшему. И вот уже пылают факелы, стреляют ра-

кетницы и неудержимо увлекают государство в новое, светлое будущее. Зуев по действиям окружавших его протестующих узнал в них футбольных фанатов. Правоохранительные органы бездействовали. Толпа протестующих всё больше распалась.

– Монумент создан из карельского кварцита, – вещал в мегафон седой мужчина. – Это настоящее произведение искусства, и его место в музее. Из такого редкого материала построен Мавзолей в Москве. Статуя экспонировалась на Всемирной выставке 1939 года в Нью-Йорке. Памятник в Киеве установлен в декабре 1946 года к 10-летию Сталинской Конституции. Выступали Никита Хрущев и Павел Тычина, украинский поэт. Присутствовал скульптор памятника Сергей Меркулов. Это часть великой истории!

– Вы правы только отчасти, – назидательно вступал другой оратор, – сейчас революционное время и бывший тиран народа, как и партия его имени, должны быть вне закона.

Выступающий приводит подробности о размерах каждой части монумента. Слушатели часто прерывают речь нарастающим гулом.

Зуев невесело усмехнулся своим мыслям. Новое время генерирует новые идеи и новых лидеров... В современном государстве, как и в первобытном обществе, оказывается, тоже могут просыпаться звериные инстинкты. Попытка разрушить монумент Ленина в истории Киева уже имела место быть. Тогда были арестованы пять человек, которых осудили

по статье – «хулиганство». Но в последствии памятник был реставрирован при помощи специальной смолы и установлен на прежнее место. Когда-то Зуев посещал Московский музей им. В. И. Ленина, идеолога всех угнетённых и обездоленных в мире. Поражал минимализм убранства кабинета, неприхотливая одежда вождя с неизменной фуражкой.

– Наш Ильич, – повторяли с любовью люди, посещающие музей. И вот сейчас он лежит на земле, поверженный, в городе Киев, столице независимой Украины.

Памятник разрушен, но вопросы бедных к богатым остались. История обязана была дать современным вождям при их жизни уроки о неизбежности расплаты за вред, который они приносят своим согражданам. Много лет прошло, когда в московский Мавзолей положили забальзамированное тело руководителя первого в мире государства рабочих и крестьян. Вождь лежит и ждёт революционного негодования масс другого века, иной ментальности. Человек, мечтавший сделать бедных людей счастливыми и беззаботными, сделал их в итоге несчастными, дав в руки алчной и бесконтрольной власной номенклатуры свою теорию построения кратчайшим путем Всемирного Коммунизма...

* * *

Прохладный воздух после дождя и навалившаяся вдруг усталость заставили Зуева покинуть протестующих. Он

свернул в переулочек и наткнулся на уютное кафе: чистое и тёплое. Войдя, он повесил куртку на вешалку и присел за столик. Подошёл официант и предложил меню. Зуев небрежно отмахнулся:

– Какое фирменное блюдо можете предложить?

– Киевскую котлету, – скороговоркой отчеканил молодой человек, поправляя фирменную куртку и удлиненный фартук. – Блюдо готовим из грудки домашней курицы. Филе отделяем от костей и кожи и слегка отбиваем, а затем заворачиваем в него кусочек сливочного масла с зеленью. Для гарнира можем предложить жареную картошку. Блюдо будет готово через двадцать минут.

– К такому великолепию прекрасно подойдет бокал шампанского и кофе, – в тон ему резюмировал Зуев. – С собой хочу взять ватрушки с творогом.

– Заказ принят, – отрапортовал официант и скрылся на кухне.

Кафе наполнялось оживленными посетителями. Все были наэлектризованы революционными событиями. Зуев успел умыться, когда официант принес блюдо с гарниром. Котлета по-киевски источала необычный аромат специй. Зуев мысленно произнес спич в адрес столицы и приступил к пиршеству.

Шампанское приободрило и наполнило ощущением покоя. С экрана телевизора звучала какая-то неторопливая мелодия.

В кафе вошла молодая пара. Парень был по-спортивно-му строен. Его длинное кожаное пальто и широкополая шляпа навевали Зуеву что-то из воспоминаний молодости. Девушка же просто олицетворяла собой современную юность: загорелое лицо славянки и светлые волосы с модной седой прядью на голове (наверное, так она казалась себе взрослей). Они сели в глубине зала и Зуев потерял их из виду. Перед его мысленным взором мягко проплыла очень схожая картинка из прошлого: кафе, девушка и он – на несколько лет моложе... Стало тепло и радостно. Аромат кофе напомнил далекую Латинскую Америку... Оставив чаевые, Зуев забрал выпечку и вышел на улицу. На остановке купил местные газеты.

К госпиталю добирался на автобусе... В приемной главного врача его встретили с улыбкой. Проверили путевку, врачебное предписание и провели в палату.

– Эту ночь вам предстоит провести в одиночестве, – сказала сестра-хозяйка.

Он принял душ. От ужина отказался. Вошла медицинская сестричка и положила пилюли на тумбочку.

– Так вкусно пахнет свежим хлебом, – потянула она симпатичным носиком.

– Выпекал лично для вас, – сказал он, вручая ей ватрушки.

– Ну что вы, – краснея, сказала она. – Мне неудобно брать у больного.

– Такой красивой и юной барышне вкусная еда будет только на пользу! – улыбнулся Зуев.

Сестричка ушла в хорошем настроении. Он выудил из своих вещей кипятильник и быстро приготовил чай. Старая армейская привычка не позволяла заказывать чай в палату.

...Вечер протекал неспешно, давая Зуеву возможность насладиться одиночеством. Неторопливо разобрал вещи, полежал, постоял у окна. С любопытством просмотрел газетные новости... Сон подкрался незаметно.

Глава 2

В больничной палате их было двое. Сосед по койке, Егор Кузьмич, восьмидесятилетний худощавый старик, ростом под два метра, с широким загорелым лицом дачника, бескомпромиссно источал жизнерадостность. Готовясь к утренним процедурам, он часто пел, после чего брался перематывать эластичным бинтом травмированную ногу. При ходьбе стопа его по-детски косолапила. Для безопасности он подстраховывал себя палочкой при передвижениях.

В это утро, как и в любое другое, Зуев делал зарядку, беззвучно ведя счет выполненным упражнениям.

Егор Кузьмич отличался скрупулёзностью. Предписания лечащего врача выполнял беспрекословно. Зуев же по этим вопросам имел свою, исторически сложившуюся точку зрения: записывая названия лекарств и их действие, он всегда тянул с их употреблением. По его глубокому убеждению, нельзя было лечить организм от многих диагнозов одновременно, а посему выдаваемые пилюли аккуратно складывал в коробочку. Его сорокапятилетний возраст был опасным для экспериментальных изменений устоявшихся взглядов... Вошла медсестра в белоснежном халате.

– Никитину Егору Кузьмичу три пилюльки, полковнику Зуеву две, – детским голоском сказала она. – Как настроение, больные?

– Без вас очень сложно готовиться к завтраку, – удрученно сообщил старик.

– Уколы в попу получите перед обедом, тогда и повеселитесь.

Она ушла легкой грациозной походкой. Старик открыл балконную дверь и с удовольствием стал подкармливать голубей крошками хлеба.

– Мы живём халясё, – сообщил он голубям с китайским напевом, – хлебом кормим птиц... Мне, уважаемый коллега, пришлось воевать в Корее в пятидесятые годы. Голод тогда заставлял население съедать не только птиц, но и любую ползающую тварь. Это было ужасное время!

Вздыхнув, он прилёг на кровать и начал усиленно массировать ногу:

– Всегда ноют ноги на перемену погоды... Молодому парню Егору нанесли увечье в Северной Корее. Теперь всю жизнь я обязан мучиться из-за любимого вождя всех народов – Сталина.

А вот Вас где черти носили по жизни, Андрей Федорович? Подобные беседы уже вошли в каждодневное расписание новых знакомцев, значительно скрашивая однообразный больничный быт. Зуев обычно начинал отшучиваться, рассказывая побасенки из офицерской жизни. Кузьмич, будучи сам превосходным рассказчиком, с удовольствием слушал, не перебивая. Сам он часто обращался к периоду корейских событий пятидесятых, жестикулируя руками, видимо, помо-

гая себе тем самым воссоздавать прошлое...

Между тем, не дожидаясь ответа, старик заразительно засмеялся, вспомив случай ухаживания за молоденькой китайкой:

– Ты представь, Андрей, восемнадцатилетнего водителя ГАЗ-69 в китайской форме с фамилией Ву. Для нас тогда китайская фамилия ничего не значила. Но для китайок очень даже значила, о чём я узнал значительно позже. В Китае имена передаются от отца к детям. Они для них святы. Фамилия Xing сохранилась только у членов королевской династии, а Айсин Геро – только у манжурской императорской семьи. И вдруг китайка Ли слышит фамилию Ву, что обозначает «шаман». Она в ужасе. Ведь по их обычаям я приравнивался к святым. Может, я утрирую, но девушка была в панике. По её понятиям я мог бы наколдовать ей сложную судьбу. А рядом взрывы, вопли, разрушение. Она от страха прижимается к большущему русскому Ивану... Хотя – нет, наверное, тогда она дрожала больше от всепоглощающей любви... О времена!..

Казалось, что его восемьдесят лет исчезли, а перед Зуевым находится весёлый молодой парень. Как правило, после подобных рассказов, как только дед умолкал, палата тут же заполнялась его переливчато-художественным похрапыванием.

Зуев же всё своё свободное время старался отдавать чтению. Теперь у него было много времени... Книг в госпитале, по его мнению, как для ветерана, было более чем предостаточно. Среди прочего, Зуев часто перечитывал речь Эрнеста Хемингуэя, произнесенную в июне 1937 года на Втором конгрессе американских писателей. Слова мудрого писателя и сегодня были злободневны, особенно для военного человека. Хемингуэй говорил:

– Писатель, если он знает, из-за чего и как ведётся война, привыкает к ней. Это – великое открытие. Просто поражаешься при мысли, что ты действительно привык к ней. Каждый день бываешь на фронте и видишь позиционную войну, маневренную войну, атаки и контратаки, всё это имеет смысл, сколько бы людей мы ни теряли убитыми и ранеными, если знаешь, за что борются люди, и знаешь, что они борются разумно. Когда люди борются за освобождение своей родины от иностранных захватчиков, и когда эти люди твои друзья, и новые друзья, и давнишние, и ты знаешь, как на них напали и как они боролись, а начали почти без оружия, то, глядя на их жизнь и борьбу, и смерть, начинаешь понимать, что есть вещи и хуже войны. Трусость хуже, предательство хуже, эгоизм хуже.

Зуев отложил книгу в сторону, встал с кровати и открыл

балконную дверь. Шёл дождь. Необычная тишина мирного времени успокаивала. Старик неназойливо посапывал. Зуев, почувствовав, что продрог, снова улегся и продолжил чтение:

...Нам нужно ясное понимание преступности фашизма и того, как с ним бороться. Мы должны понять, что эти убийства – всего лишь жесты бандита, опасного бандита-фашизма. А усмирить бандита можно только одним способом – крепко побить его...

Была уже поздняя ночь. Одни больные отдыхали, другие сражались с диагнозами. Зуев неторопливо перебирал страницы своей истории... Думалось о многом: о послевоенных годах, в которых были загублены жизни родителей, родственников, о своих бесконечных сражениях с миром капитализма.

Об ироничности времени, когда непримиримые в прошлом враги сегодня назначаются друзьями, а бывшие соратники вдруг становятся врагами... С тех пор, как Украина стала независимым государством и вышла из социалистического статуса, в какой же статус она вошла?... С этим вопросом пришёл сон...

* * *

Между тем, дни в госпитале шли своим чередом.

В тихий час Зуев с Кузьмичем часто бродили по лесистой

местности Пущи Водицы, выбирая протоптанные тропинки. Аромат хвои напоминал обоим детские годы. Они доходили до природного озера и неторопливо шли обратно мимо теннисного корта и спортивных площадок, по периметру которых зеленела густая трава. После переходов, никуда не спеша, восстанавливались.

Сейчас Кузьмич дышал тяжело, по-стариковски, сегодня с самого утра его тревожил кашель. Зуеву же такие перегрузки были лишь в радость. Они стояли, наслаждаясь чистым воздухом, вслушиваясь в шум леса и пение птиц.

– Ты слышишь, слышишь, Андрюша, как поёт синичка? – спрашивал Кузьмич, вытянув худую шею, – песня «ци-пи», «ци-пи» или «ти-ти-туй», «ти-ти-туй». В сторонке раздаётся тонкий крик «цит», «цит». – Присмотрись внимательно к окраске птички. У синицы спинная сторона серая, головка чёрная с белыми щеками, а брюшко светло-серое.

– Мелодично, – неуверенно поддержал старика Зуев.

– Птичка на тебя серчает, дружище. Сколько лет прожил, а её не замечал. Но мне больше нравится белая синичка. Песня – короткая трель! Часто слышится тонкое посвистывание и трелька, напоминающую голос свирели. Выкрики «тирр», «тирр» и резкий позыв «черпинк», «черпинк», «черпинк». Прислушайся, как она приветствует нас.

Они уже приближались к выходу из леса, когда услышали стук дятла.

– Трудяга, как член партии, при построении коммуниз-

ма, – остановился Кузмич. – Сооружает себе дом прямо в стволе дерева. Выдалбливает клювом отверстие, устилает дно мхом, сухой травкой и откладывает яйца. Поедает всех насекомых вокруг. Не улетает на юг. Ждёт теплую зиму рядом с человеческим жильём. Дятел хорошо ассимилировался к природе Украины.

На обратном пути в госпиталь они наслаждались оригинальным пением снегиря. Птичка, чуть больше воробья с черной головкой и хвостиком, красной грудкой, напевала любовную арию своей подруге, которая с энтузиазмом вторила своему возлюбленному. По всей округе раздавался чувственный металлический скрип в сочетании со свистом свирели...

После отдыха, отлежавшись, старик продолжил свои бесконечные истории. Зуеву подумалось, что если бы даже в госпитале не оказалось такой, на удивление, приличной библиотеки, информационный голод ему бы никак не грозил.

В палате размеренно звучал скрипящий голос Кузьмича, напоминающий своим тембром шаги по снегу:

– По сталинскому приказу солдат СССР отправили улаживать вооруженный конфликт между Северной и Южной Кореей. Официально в войне СССР не принимала участие. Но государство финансировало Северную Корею и поставляло в Китай самолеты и другое оружие. Со стороны Юга в войне принимали участие Южная Корея, США, Великобритания и около двадцати стран в составе миротворческих сил

ООН.

Я прибыл в Корею в начале 1952 года, когда война была в самом разгаре. Служил водителем. Возил наше руководство. Бывали и корейские командиры в кабине. Чаше мы обслуживали нашу авиацию. Солдаты СССР были одеты в одежду китайской армии, с документами, но без фотографий. В период моего пребывания территория Северной Кореи превратилась в руины. Дороги разбиты. Проблемы с водой, питанием и медицинским обеспечением. Как результат, высокая смертность гражданского населения. При налётах авиации погибло много китайских и корейских солдат. Поражала многотысячная миграция гражданского населения с Севера на Юг и обратно. Одетые в одинаковую форму, с похожими лицами, внешностью, что приводило в замешательство и самих корейцев. Невозможно было определить, кто наш, а кто их. Потери СССР были незначительные по сравнению с США и солдатами Британского Содружества. Потери коммунистического блока КНДР и КНР были большими. Точную цифру потерь гражданского населения, солдат узнать было невозможно. Всё представлялось под грифом секретности. Это я узнал через тридцать лет, роюсь в архивах. Каждая из противоборствующих сторон приписывала себе военные победы и уменьшала число погибших. Такие реалии войн!

Только через много лет отдельные графы военных тайн были рассекречены. Тогда и увидел громадные цифры потерь, доходящие до сотни тысяч. Мне повезло. Был только

ранен. Перед этим мне присвоили Орден Почёта, высокую правительственную награду Северной Кореи. Помогал членам правительства Кореи попасть на территорию Китая. Военное время – опасное время! Всё обошлось – и ладно! В военные годы героизм воспринимался, как обычная работа. Немного обидно, что сегодня события тех лет преданы забвению...

– Эхе-хе-хе, товарищи партейцы! – А это был любимый риторический вопрос Кузмича. – Где же ваше обещанное наступление всемирного Коммунизма?

В один из дней в госпиталь прибыли телевизионщики. Медицинский персонал возбужденно сновал по коридору. Лечащий врач появилась в палате, блистая модной прической.

– Красиво выглядите, – сделал ей комплимент Кузмич.

– Спасибо, – устало ответила она. – Как чувствуют себя больные?

– При таком врачебном внимании точно проживу больше ста лет, – убеждённо сказал Кузмич. И пока он взялся задавать вопросы по своему диагнозу и уточнять методику лечения, Зуев открыл книгу.

Сейчас это был роман «По ком звонит колокол» Эрнеста Хемингуэя. Мысли перенесли его в Гавану. Зуеву довелось побывать там в музее писателя, что в усадьбе Винка Вихия. Название переводилось как «дом с видом». Сам дом находился на окраине города в районе Сан-Франсиско-де-Паула.

С холма – вид на город и океан. Зуев хорошо запомнил яхту Пилар, на которой писатель рыбачил и занимался своим бессмертным творчеством...

Лечащий врач закончила разговаривать с Кузмичём и с улыбкой посмотрела на Зуева. Он вежливо улыбнулся ей в ответ. Женщине было за сорок. Пояс на белоснежном халате подчеркивал ухоженную фигуру. Регулярное посещение салона красоты явно шло ей во благо. Но всякие ухаживания исключилась сразу и бескомпромиссно – по облику она ярко напомнила ему жену.

– Приглашаем Егора Кузьмича, ветерана войны в Корее, дать интервью киевскому телевидению, – сказала она, направляясь на выход.

Старик засуетился, поднимаясь с кровати.

– Может, лучше пригласить молодого полковника Зуева? – спросил Кузьмич, оглядываясь. – А то он так много читает, что я начинаю за него побаиваться.

– Спрошу у руководителя программы, – ответила врач, закрывая дверь.

Некоторое время было слышно, как они шли по коридору переговариваясь, пока не наступила тишина, и Зуев мысленно вернулся в Гавану...

...Тогда он сопровождал генерал-лейтенанта, представителя Министерства обороны, с полномочиями к правительству Кубы. Им везде незримо сопутствовала кубинская охрана. Запомнился любимый бар старины Хэма «Флоридита».

Бронзовый памятник стоял в том углу, откуда Хемингуэй заказывал себе выпивку. Они дегустировали у стойки бара коктейль «Мохито» (по кубински «комар») и слушали от официанта историю создания и установки памятника в перемешку с тонкостями приготовления коктейля.

– Чарующее созвездие лимона, мяты, кубинского рома и льда даёт посетителям представление о вкусах писателя, – напевно говорил на испанском официант.

Зуев переводил генералу сказанное. Генерал не владел испанским, но в совершенстве знал английский и числился классным специалистом по внешней разведке. Он напоминал экранного Штирлица, но с задатками профессионального бабника. После третьей рюмки он как-то заверял Зуева, что никогда не состоял в лиге шпионов. Генерал смеялся так заразительно, что всегда невольно вызывал улыбку у всех присутствующих. Зуев знал его уже несколько месяцев. Генерал произнёс тост в честь папы Хэми в бронзовом величии и возвестил:

– Пора отужинать, Андре, и прочувствовать букет классического кубинского коктейля «Дайкири». Мы обязаны знать, как страдал на кубинской чужбине Нобелевский лауреат.

На Кубе генерал чувствовал себя свободно. Из знакомых Зуева редко кому удавалось сохранять в душе такое спокойствие и жизнерадостность. Возможно, это было следствием пережитых страданий или многочисленных военных передраг, но генерал часто повторял: – Перед атакой наслаждай-

ся жизнью!

Заказав жареные пирожки с мясной начинкой и курицу с рисом, он вдруг посетовал:

– Будучи молодым офицером, я принимал участие в Карибском кризисе. Славное было время! Мы тогда интриговали янки нашими ракетами. Большим шутником был Никита Сергеевич Хрущев, ему бы в покер играть. Любил рисковать! Это пустяки, что за все ошибки отвечал народ!.. Да... Хотел бы я побеседовать с Эрнестом Хемингуэем... К тому времени мне удалось прочесть на английском многое из его творчества. Но не судьба – ушёл из жизни, не дождавшись прибытия нашего контингента на Кубу.

Они наблюдали, как официант разминал веточку мяты с сахаром в стакане. Сок лайма выжимал руками. Затем наполнил стакан толченым льдом и налил ром. После чего начал красочно двигать руками, перемешивая содержимое до тех пор, пока стакан не запотел. Затем до верха долил содовой и украсил веточкой мяты.

– Дайкири готов! – величественно произнес официант и вставил соломинки в стаканы. Посетители бара встретили рождение напитка аплодисментами. Еда была превосходная, как и настроение. Генерал заказал дополнительно по пятьдесят грамм кубинского рома Havana Суба:

– Папа Хэми очень ценил этот напиток, мы же употребим его только с лечебно-профилактической целью. Дезинфекция кишечного тракта в тропиках – это святое!

Провозгласили привычно «Viva Cyba!» да и поехали себе в гостиницу в сопровождении кубинской охраны...

* * *

Зуев вздохнул, понимая, что сосредоточиться на чтении не удаётся.

– В последние годы жизни Хемингуэя мучили головные боли, может быть, поэтому он выбирал одиночество? – думалось ему. – Писатель ненавидел войну и её зачинщиков, а его герои никогда не сдавались – это ли не пример для подражания?

Читать перехотелось. Вместо этого пришло неудержимое желание поднять тост за папу Хэми.

Когда он прибыл ко времени проведения процедур, возникший рядом телевизионный оператор тут же попросил его стать рядом с героем репортажа Кузьмичём. Съёмки прошли быстро. Оздоровительные процедуры длились положенное по штатному расписанию время.

Глава 3

В один из дней, после очередного рассказа, вытирая мокрые от смеха глаза, Кузьмич вдруг спросил:

– А не соизволите ли Вы, сударь, посетить мою дачу? Своей дисциплинированностью мы давно уже заслужили хорошую увольнительную. Как думаешь, товарищ полковник?

– Так отдыхать же – не работать! – с готовностью поддержал идею Зуев.

Сказано-сделано, и ранним субботним утром к госпиталю подъехала черная Волга, за рулем которой восседал бравый мужчина с приветливой улыбкой в широкополой шляпе и кожаной куртке.

– Сынуля Павел, ученый мастер по виноделию, – отрекомендовал водителя Кузьмич.

– Хозяин ранчо и по совместительству герой труда – папуля, на отдыхе, – не остался в долгу сын.

От района Пущи Водицы они проехали километров двадцать в сторону Днепра. По дороге Кузьмич рассказывал истории возведения микрорайонов города. Указывал на высотные дома, в строительстве которых он принимал участие как прораб. Вскоре они подъехали к огражденной территории садоводческого товарищества. Павел вышел из машины, чтобы открыть ворота. Подошел дежурный с приветствием. Затем они неторопливо ехали по широкой центральной ули-

це, с обеих сторон которой громоздились коттеджи, готовые переплюнуть по стоимости своих зарубежных собратьев.

– Так наши бедняки отдыхают от трудов праведных, – прокомментировал Павел.

Мимо прошествовала важная дама в шубке с элитным псом.

– Собака стоит не менее пары тыщенок зеленых, – не унимался наблюдательный Павел. – Пора и тебе купить собачку, пап?

– Боюсь орденосной пенсии будет недостаточно для посещения ветлечебницы и калорийного питания для псины.

– Ты ведь был слугой народа, – повернув голову к отцу, сказал сын. – Твой портрет и сейчас украшает аллею трудовой славы города-героя. Награжден двумя орденами Ленина, в конце концов.

– Надбавку к пенсии за это сегодня не дают. Ну, а того, что дают нам с бабушкой, хватает. А ты успешно живёшь на своих хлебах в моей четырехкомнатной квартире и не жалуешься, так что смотри на дорогу.

Они подъехали к небольшому одноэтажному строению. Домишко выглядел неприметно на фоне двух особняков, утопающих в желтизне позднего лета. Металлические заборы вокруг напоминали ограждения древних рыцарских замков. Дача же Кузьмича была ограждена с улицы деревянным забором, разукрашенным украинским орнаментом с птичками и петушками.

– Кука-ре-ку! – прокукарекал Зуев. – Мир и счастье дому вашему!

– Учись у военного человека, как блюсти народные традиции, сынок!

Сын загнал машину во внутрь двора и пошел переодеваться. Кузьмич пригласил Зуева в дом и предложил рабочую одежду. Зуев огляделся. Одна из стен комнаты была увешана плакатами многочисленных сортов винограда; обстановку составляли два дивана, стол и несколько стульев. Мебель была довольно старая, что хозяина, судя по всему, совершенно не тревожило. Когда они вышли во двор, Павел успел развести огонь и уже готовился к приготовлению шашлыков, выудив из машины кастрюлю с маринованным мясом. Особняком стояла большая сумка с продуктами.

– С голода не помрем, – заверил Кузьмич. – Вот только я прослушаю, как ведут себя пчелы на зимовке, а потом прикроем виноград матами из камыша и землицей.

Он вынул из стола стетоскоп-трубку земского врача и прошёл в отдельно стоящее строение. Зуев проследовал за ним. В домике стояли ульи, покрытые мелкой металлической сеткой.

– Это от мышей, – сказал хозяин. – Кушать всем хочется!

Ульи разместились на деревянных стеллажах в два яруса по обе стороны стен. Кузьмич приставлял трубочку к каждому улью и внимательно вслушивался.

– Хочешь послушать, как живет пчелиная семья? – спро-

сил он.

Зуев подошел к очередному улью и приставил к нему прибор. Послышался равномерный гул пчелиных особей. По мере продвижения трубки гул изменял звучание.

– Холод для них не помеха, – рассказывал хозяин. – Главное, чтобы было достаточно корма и хорошая вентиляция. Потому лоток всегда открыт. Своими крылышками пчелы создают вентиляционный режим для постоянной температуры в ульях. Особенно оберегается матка. Её задача – производить потомство. Пчелиная семья всегда оберегает её и питает медом. Вот где чудо природы! В туалет пчелы зимой не ходят. Пчеловод обязан это знать. Естественные корма предохраняют пчел от заболеваний. Только в весенний период, при первом облете, они совершат очищение организма. Семьям на зиму оставляю качественный корм, а если корма будет не хватать, подкормлю сахаром. Но это не желательно.

– Вы давно занимаетесь пчеловодством? – спросил Зуев.

– Да сразу после ранения, считай, и занялся. Инвалидность не давала возможности физически работать.

Я заочно учился в строительном институте и подрабатывал. Корейский орден показывал только на вступительных экзаменах в институт и когда становился на квартирный учет. Жил в рабочем общежитии строительного треста. Работал кассиром, позже мастером. Послевоенное время было голодное. Старый рабочий треста предложил мне поработать в товариществе пчеловодов. Там ценилась честность и акку-

ратность.

С грязными руками и телом, алкогольным запахом к пчелам лучше не приближайся – искусают. Охранял ульи, делал всё, как меня просили и обучали. Летом помогал пчеловоду ухаживать за пчелами. Из прибыли мне перепадало на одежду и питание. Быстро научился пчеловодческому мастерству. Главное, не мешать пчелам жить, размножаться, развиваться, заготавливать мед для своей жизнедеятельности. Я был прилежным учеником. Чтобы выжить, ловил рыбу в Днепре. Солил, коптил, сушил и продавал. Я – потомственный киевлянин! Мои родители имели домишко, но он сгорел во время войны. Родители погибли. Мы с сестричкой насобирали кирпичей и сложили небольшой домик. Для меня главное было, чтобы сестра могла там жить. Позже я отстроил дом, посадил сад. Огород приносил нам продукты для пропитания. Выращивал кролей, птицу разную. Перебитая нога так и не восстановилась до конца. В послевоенное время с медикаментами была проблема, как и с врачами. Хирурги были больше в военных госпиталях. Но я понял главное, – что только от меня зависело здоровье. Тренировал, перевязывал стопу и передвигался, как мог, но без палочки. – Кузьмич рассказывал, а сам переходил от улья к улью и вслушивался. Иногда он делал на улье пометку мелом: – Эти семьи я посмотрю позже. Когда пчелы начинают шуметь – что-то их тревожит.

После работы с пчелами Кузьмич с Зуевым подгробали под

кусты землю и утепляли виноградник камышовыми матами.

– Подрезкой виноградника займется Павел, – постановил Кузьмич. – Он и в пчеловодстве хорошо разбирается. Учёный всегда найдет применение своему таланту. Он сильный мужчина! При случае, два его сына-студента всегда могут помочь.

Павел тем временем занимался подрезкой фруктовых деревьев, разговаривая с проходящими мимо дачниками. Время от времени что-то записывал в своем блокноте. Потом перешел к разборке поливной системы, где открывал краны, выливая воду из водопровода, готовя его к зиме.

Время на воздухе летело быстро. Все выполнили запланированную работу и, переодевшись, готовились к ужину. Павел священнодействовал у мангала. Прокручивал шампуры с нанизанными кусочками мяса вперемежку с овощами, луком и поливал сухим вином.

– Жалко, что не смогу продегустировать винцо, папа.

– Твоё от тебя еще никогда не уходило!

– Это да... Но какие же шашлыки, господа! Высший пилотаж, – поцокал языком Павел. – Итак, фанфары звучат! Начинаем торжественную часть по случаю окончания дачного сезона!

Они разместились за большущим столом на веранде. Чисто вымытые помидоры, зелень и свежие огурцы радовали глаз. Павел, выставив графин с вином, провозгласил:

– За папой тост!.. Хотя еда завораживает больше, чем до-

клад целого президента страны.

– Тогда буду краток и серьёзен, – сказал Кузьмич, поднимаясь из-за стола с наполненным бокалом вина. – Чтоб наши правнуки за телеги не цеплялись и не просили милостыню!

– Вот где грамотная философская трактовка современных проблем в обществе, – уважительно кивнул Павел.

Началось пиршество. Шашлыки горячили воображение приправами, дымком и степенью прожаренности мяса. Волнительно щекотал ноздри аромат хлеба свежей выпечки. Солидно разместились на столе несколько сортов желтых груш, яблок и громадная кисть свежего винограда. Необычный букет вина вызывал восхищение – это был продукт от настоящего мастера-винодела.

– Белое виноградное вино высокого качества с фруктовым букетом, – с видом затока прокомментировал Зуев после дегустации.

– Напоминающее ананас и лесной орех из винограда сорта Солярис, – засмеялся Павел.

– Ну да, не каждый день гость дегустирует вино, произведенное виноделом, специалистом-энологом, изучающим науку о вине, – Кузьмич похлопал Павла по плечу.

Чувствовалось, что отец говорит о сыне с уважением. Зуев по-хорошему позавидовал их родственным отношениям. Тосты следовали один за другим.

– Чтобы дедушка докормил правнуков до пенсии, – пожелал Павел, запивая шашлык абрикосовым соком.

– И чтобы их жизнь проходила без войн! – поддержал тост Зуев.

Павел был необычным рассказчиком. Он защитил кандидатскую диссертацию по виноделию. Работал доцентом в Аграрном Университете. Занимался исследовательской работой на виноградных плантациях, где выращивались различные сорта винограда. Руководил практикой студентов. Будущие виноделы обязаны были знать весь цикл: от выращивания винограда до производства соков, вин. Его приглашали проводить семинары и фестивали по обучению дегустаторов, организовывать винодельческие выставки. В стране стал пользоваться успехом винный туризм, где в дегустационных залах специалисты-энологи рассказывали о лечебных свойствах вина, истории виноделия. После мероприятий гости могли приобрести понравившиеся вина.

– Так какие вина наиболее полезны человеку? – спросил Зуев. – Темные или светлые?

Павел взял два бокала и налил в них белое и темное вино. Рядом поставил стакан с простой водой.

– Вы прополощите рот водой и выплюньте в ведро, – командовал он – Возьмите бокал, поворачивайте в нём вино и прочувствуйте аромат. Подержите вино во рту и проглотите. Аналогичную операцию сделайте с вином темной окраски.

Зуев последовательно выполнил все указания, словно прилежный ученик.

– Ваше мнение, уважаемый дегустатор? – спросил Павел.

– Впечатление такое, что как белое, так и красное вино имеет право на жизнь в равной степени!

– В этой трактовке и заключается философская мудрость! – вытирая руки полотенцем, удовлетворённо констатировал Павел. – Вино, как и любой продукт, должен приносить радость не объёмом выпитой жидкости, а её целесообразностью. Не случайно в большинстве тостов звучат слова: на здоровье, за любовь, за счастье молодых.

– За долголетие любимой тещи и начальника ЖЭКа, – со смехом встрял Кузьмич.

День подходил к своему завершению. Закончив посиделки, все собрались, и Павел, лихо разрулив по какой-то дороге, домчал их в госпиталь. Он внёс в палату сумки с овощами, фруктами, пожелал успешного лечения и удалился. Недавние же дачники быстро приняли душ и улеглись по кроватям.

– Больные так рано отдыхают? – спросила медицинская сестра, студентка, проходящая практику в ночную смену. – Почему не на свидании?

– Так собирался было назначить Вам встречу по-взрослому, – нежно проворковал Кузьмич. – Но врожденная скромность помешала.

– А я вот обязательно пришла бы на свидание с Вами, если б позвали, так что бросьте прибежаться. Жду Вас завтра, как стемнеет, на железнодорожном вокзале под часами.

– Принимаю Ваше предложение и обещаю быть точно в обозначенный срок в обусловленном месте, если ветра не будет.

– Вот так и верь мужчинам! Наговорят с три короба предложений, вплоть до руки и сердца, и любви до гробовой доски, а наши девичьи сердца страдают.

Она ушла с улыбкой, тихо прикрыв двери.

– Вас что-то тревожит? – спросил Кузьмич, видя, что Зуеву не спится.

– Заранее прошу извинить меня за возможную бестактность и военную прямолинейность... Как это получается, что герои войны и труда, образованные люди, труженики, отдавшие здоровье и силы служению Родине, получают в итоге пенсию, на которую нельзя выжить? Но в то же время современные «уважаемые люди» шикуют. Имеют дома, машины, передвигаются по миру, обучают детей в заграничных университетах. Как так?

Кузьмич помолчал. Потом приподнялся и сел.

– Ваш вопрос звучит оскорбительно для члена партии и ветерана труда, имеющего высокие правительственные награды. Наверное, по выходу из госпиталя мне необходимо будет зайти к мастеру по тату и сделать наколку на груди: «Жизнь прошла мимо»?

– Ещё раз простите за прямой вопрос, – немного смутился Зуев. – Но это касается и моих жизненных проблем. Пройдя обучение в военном училище, закончив академию, побывав

во многих заварушках по земному шару, размышляю о своём туманном будущем.

После непродолжительного молчания, Кузмич вполголоса сказал:

– После войны жилось довольно трудно. Восстанавливалась промышленность, сельское хозяйство, разрушенные города. Народ залечивал раны и оплакивал погибших. Но прошло время и жизнь начинала налаживаться. Для тружеников государство предоставляло льготные путевки для оздоровления и отдыха в санаториях, базах отдыха. Работающие обеспечивались жильем. Учёба и медицина были бесплатными. Министерство строительства дало мне возможность приобрести «Волгу» как передовику производства, управленцу. За трудовую доблесть награждали самыми высокими правительственными наградами. Меня многократно избирали в депутаты городского и областного советов. Стабилизировалась оплата труда. Но в сельском хозяйстве ещё долго были проблемы. Но изменился строй, пришли новые люди. Общество поменяло свои приоритеты. Возраст заставил уйти на пенсию. Сын иногда подшучивает, что в другой стране, с моим вкладом в строительство престижных сооружений, я был бы богатым человеком. Ну, наверное, не богатым, а просто довольно обеспеченным. Но я продукт той страны, в которой жил и трудился по её законам и правилам. Сегодня вижу, как работают частные строительные фирмы. Спекуляция на рынке строительных материалов и горюче-смазочных

материалов. Обесцениваются финансы. В одночасье руководители фирм, заключившие договора по одной стоимости, становятся банкротами. Такой руководитель или удирает за границу, или должен сесть за решетку, или погибает от рук криминала.

Егор Кузьмич был взволнован. После затянувшейся паузы продолжил:

– Система государственного управления разрешила узаконить мелкие поборы для рядовых граждан. Высший эшелон власти беспрепятственно пожирал плоды многолетнего труда целых поколений. Мздоимство, беспринципность руководителей, взятки при назначении на должность и поборы в системе бизнеса. Система стала, как монстр, неуправляемая и неконтролируемая. В моем дачном товариществе хорошо виден социальный срез современной линейки обогащения.

– Неужели сегодня нельзя пресечь воровство и мздоимство? – спросил Зуев.

– Круговая порука и ненаказуемость стяжателей. Это при Сталине за килограмм сворованной пшеницы могли посадить, а в военное время и расстрелять, независимо от чинов и званий.

Кузьмич нервно потёр ладонями колени и продолжил:

– А вот сегодня вседозволенность, бесконтрольность и ненаказуемость элит привели к чудовищному разрушению государства. Налоги привычно не поступают в казну, и это ни

для кого не тайна. Жизнедеятельность государственной системы поддерживается искусственно, в виде одолжения голыдьбе. Зарплаты и пенсии выплачивать государственным служащим нечем. Тогда казначейство включает денежный станок и начинается инфляция, поднимающая цены на всё. И вот уже люди выходят с протестными акциями... Всё это не может не закончиться взрывом масс!.. Давай-ка отдохнем, Андрей Фёдорович!

Зуев выключил свет и скоро палата заполнилась сонными трелями старика.

Глава 4

Госпиталь для воинов-интернационалистов жил своей жизнью. Тем временем, Егор Кузьмич собирался к отъезду.

– Наша любимая бабушка приболела, в то время как моё лечение успешно завершено. Да, такое вот у нас вахтенное здоровье... Было приятно с Вами пообщаться, Андрюша.

В следующий раз, как будете в Киеве, милости прошу в гости.

Его уже дожидался внизу заехавший за ним Павел.

– С хорошими людьми всегда трудно расставаться, – думал Зуев, помогая Кузьмичу погрузить сумку в машину. Тепло попрощавшись с обоими, он провожал их взглядом, пока машина не скрылась за воротами...

* * *

По окончании тихого часа Зуев спустился на первый этаж. Подождав очередности, получил право играть на бильярде. Его партнера по игре звали Серегой – это был боевой офицер с афганским прошлым. Его руку украшала замысловатая наколка и шрам. Противником он был вполне достойным. Каждый раз после удачного удара, когда шар влетал со скрипом в лузу, он театрализованно разводил руками, стимулируя

болельщиков к аплодисментам. При ходьбе хромал, опираясь на кий. Он всегда играл только на победный результат – такой уж у него был характер!

Но вот очередной удар Сереги не достиг желаемого результата – шар вылетел за пределы стола.

– *Ваше право, пане полковнику!*

В госпитале дружелюбная фамильярность среди бывших боевых офицеров давно уже стала вполне приемлемой нормой общения. Да и время наступило в обществе, когда с товарища переходили на западную терминологию: *пане, господин*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.